

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Тэссы О'Свейт
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ. ЗАЩИТНИЦА ВЕРЫ
ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ. ИЗ СВЕТА ВО ТЬМУ
ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ. ОГНЕМ И МЕЧОМ

ГЛАВА 1

О чужих мыслях и важности писем

Беленый потолок выделенных мне покоев кажется чем-то невозможным. Слишком простым. Слишком мирным. Я плюсь в него несколько мгновений, а потом ощущаю, как мои волосы кто-то очень осторожно выжимает, заворачивая в полотенце.

— Ох, ваше высочество, простите... — Дора заметила, что я проснулась и приняла это на свой счет. «Какая она все-таки милая девушка. Может, забрать ее с собой, когда все кончится? Хозяйственная, добрая, искренняя, как раз такая, какая вполне подойдет Альвину. Хотя, прежде чем сводничать, лучше еще мнение самого Альвина узнать...» — Я слабо усмехнулась собственным мыслям.

— Дора, все в порядке. Просто сон... закончился.

Да. Закончился. Как и жизнь той горгоны — у меня не было ни малейшего сомнения в том, что оборвавшаяся в моем сне жизнь женщины-змеи стала для меня как минимум приятным событием в мире реальном. Чувство уверенности вроде бы ничем не было подкреплено, но я знала, что это так. И была этому рада — какие бы цели она ни преследовала, мне они ничего хорошего не сулили. Ну а кто к нам с мечом придет, тот, как говорится, в орало и получит.

Из моих размышлений меня вывело неуверенное покашливание моей временной служанки, я, все еще чувствуя дичайшую слабость во всем теле, попыталась приподняться на локте и повернуть лицо в ее сторону, но получилось только вяло трепыхнуться, завалившись спиной обратно на кровать.

А мне ведь сейчас аудиенцию давать. Про дальнейшее и подумать страшно...

— Дора, помоги мне сесть на край кровати. — Ощущение собственной беспомощности больно било по самолюбию, но

мое самолюбие ничтожно по сравнению с теми проблемами, какие может повлечь мое бездействие...

С этим надо что-то делать. Может, магистр сможет что-то подсказать?

Совместными усилиями меня усадили на край кровати, и я наконец обратила внимание на саму себя. Коснулась пальцами чистой рубахи, без всякого стеснения принюхалась к собственному телу.

— Я омывала вас, ваше высочество, пока вы были в беспамятстве. — Заметив мои действия, Дора смутилась и нервно затеребила край передника.

— Дора, ты себе даже не представляешь, как я тебе за это благодарна, — совершенно искренне ответила я девушке.

Точно надо забрать ее в замок!

— Помоги мне одеться, сама я на это сейчас не способна.

Чуть позже, проведя пальцами по расшитому узорами подолу туники, я, одетая, обутая и даже с заплетенными в косу волосами, сидела на кровати, готовясь к предстоящей встрече. Дора, тем временем прибравшись в комнате, тихонько вышла за дверь, оставив меня наедине с моими раздумьями.

Водя взглядом по аскетичному убранству, я раз за разом возвращалась к своему мечу, что кто-то повесил на столбик в изголовье кровати. В голове бродила странная мысль о том, что я перестала воспринимать свое оружие как нечто враждебное мне или даже просто неодушевленное.

Он пытался говорить со мной. Он пришел мне на помощь в моем сне. Разве он не заслужил того, чтобы я относилась к нему если не как к другу, то как к партнеру?

Следующую пару минут я старательно ползла по кровати, мелко перешагивая ногами по полу и упираясь руками в матрац, пока не передвинулась к изголовью настолько, что смогла дотянуться до висящих ножен.

Взявшись ладонью за рукоять, я немного вытянула клинок, заглядывая в него, как в зеркало. В голове тут же появилось ощущение присутствия, тонкий поток чужих эмоций — торжество победы, нетерпение, жажда похвалы.

«Да, ты молодец, молодец. Тут даже и спорить нечего... — Я провела пальцем по стальной поверхности, обдумывая зародившуюся в голове идею. — А как ты смотришь на то, чтобы я дала тебе имя? Или, может, у тебя уже есть имя?»

Ответом мне послужили две эмоциональные вспышки: положительная — яркая и отрицательная — тихая и тусклая.

Я вдруг почувствовала, как на лице появляется дурацкая улыбка. Решение о том, какое имя дать мечу, пришло само собой: «Отныне я буду звать тебя Жало». Оружие несколько мгновений молчало, а потом я ощутила, как по руке взметнулось благодарное тепло, чуть покалывая и щекоча кожу. Моя маленькая шалость мечу понравилась, пусть он и не мог знать, что я взяла это имя из любимых книг детства, но наверняка чувствовал мою привязанность к нему.

Главное, чтоб мне в итоге не пришлось сражаться с гигантской паучихой...

Дернув плечом, я уже было повесила ножны обратно, но клинок вдруг снова ощутимо толкнулся в ладонь, предлагая мне взять то, что в нем хранилось.

«Может быть, это — хорошая идея? Чего мне сейчас не хватает, так это жизненных сил...» — Я даже не успела додумать мысль, как Жало, почувствовав мое одобрение, щедро выдал мне воспоминания убитой нами горгоны!

Как это выходит? Я убила ее Жалом в собственном сне, и он впитал ее силу... Получается, это был не просто наведенный кошмар. Это все происходило в Грани, и горгона умерла по-настоящему!

В мою голову хлынули чужие эмоции и остатки памяти. Они были очень оборваны, словно бы их владелица сопротивлялась даже сейчас, не давая мне прочитать себя, как раскрытую книгу. Но кое-что все же мне открылось.

Я будто бы смотрела на себя со стороны. На двух себя. Одна из них была практически сломлена, балансировала в шаге от безумия, едва сдерживаясь от падения. Она не вызывала ничего, кроме жалости и торжества. Я чувствовала... Ох! Горгона чувствовала, что ее задача близка к завершению. Девчонка была загнана в ловушку и совсем скоро превратилась бы в покорную марионетку, пригодную для него.

Для меня оказалось настоящим испытанием выдержать ту лавину ужаса и обожания, которая возникла в моей голове. Образы перетекали один в другой и не оставались четкими хоть на какой-то миг, чтобы увидеть лицо того, кто был в воспоминаниях женщины-змеи. И, пожалуй, именно это легко позволило мне понять, кто именно скрывался за ними.

Тот, кто был повинен в большей части моих бед. Той части, в которой не была виновата я сама. Бог Дракон.

Усилием воли я прогнала от себя чужой восторг и устремила взгляд на вторую себя, но...

Образ растворился в моем сознании, отзываясь глухим непониманием, раздражением и какой-то детской обидой. На какой-то миг я даже устыдилась собственных чувств, которые испытывала, смотря на безжизненное тело горгоны, но лишь на миг.

Она была врагом. Одним из множества, что мне встретятся, как бы я ни старалась избежать этой мысли. Если о гибели комтура я сожалела глубоко и искренне, то ее смерть стала досадной необходимостью. В конце концов, это же не я начала все эти фокусы со снами и видениями? Она должна была предусмотреть даже такой вариант развития событий, ведь понимала в этом куда больше меня... Мою рефлексию прервал тихий скрип открывающейся двери. Харакаш, быстро войдя, закрыл за собой дверь на засов, и она тут же дрогнула от удара кулаком.

— Я требую аудиенции! Немедленно! — Уже знакомый голос барона взревел за дверью. Ошарашенная таким поведением, я перевела вопросительный взгляд на мастера меча. Тот поморщился, тяжело вздохнул и развел руками.

— Я говорил, что он несколько не в себе.

За дверью послышалась возня, сдавленные ругательства, угрозы. Очевидно, по ту сторону стояла охрана, которая не собиралась позволять Каддору барабанить по двери в мои покои столько, сколько ему вздумается.

— Поставь стул туда же, где он был в первую аудиенцию, и помоги мне до него добраться. — Я чувствовала себя значительно лучше, все же «вливания» чужой жизненной силы оказывали практически мгновенный эффект, однако уверенности в себе мне не доставало.

Харакаш быстро поставил стул на нужное место, потом, придерживая меня за пояс и локоть, довел и усадил на него.

— Впускай, — обреченно кивнула я. Мастер меча подошел к двери, открыл ее, несколько мгновений смотрел на стоящего за ней барона, которого, как я могла видеть из-за его спины, держала пара солдат из Васконского герцогства.

— Ее высочество готова принять вас, барон. — Голос островитянина звучит непривычно официально и сухо. — Отпустите его. — Это уже было обращено к солдатам, которые вполне охотно выполнили приказ Харакаша.

Островитянин сделал шаг вбок, освобождая проход для Каддора. Стоило тому в несколько порывистых движений вой-

ти, как мастер меча закрыл за ним дверь, оперся на нее спиной, скрестив руки на груди, и подмигнул мне.

Несколько мгновений мы с бароном сверлили друг друга взглядами в тишине. «Потянувшись» к его эмоциям, я, отметив, как легко стало мне это делать, бережно перебирала слою его чувств от бессильной и бесцельной ярости до глубокого осознания собственной вины.

— Ваше... ваше высочество, — барон наконец смог справиться с бушевающими его чувствами и начать речь, не нарушая установленных правил приличия, — я прошу... вас о милости.

Я вздрогнула, сжала губы и сфокусировала взгляд на лице просителя. Барон грузно опустился на колени, а я бросила короткий взгляд на стоящего за его спиной мастера меча. Тот был явно удивлен.

— Моя дочь Соэнлика... Она хрупкая, нежная девочка. Отпустите ее, если вам нужен пленник, возьмите меня!

— Замолчи. — Я вскинула руку, и барон замолк, словно бы подавившись собственными словами.

В комнате повисла гнетущая тишина. Я снова глянула поверх коленопреклоненного барона, и Харакаш отрицательно покачал головой с недоумевающим выражением лица.

— Барон, я правильно вас поняла, ваша дочь пропала, и вы решили, что ее похитили по моему приказу?

Каддор молчал, глядя на меня с непередаваемой смесью ненависти и надежды.

— Ясно. С чего вы это взяли? Когда пропала ваша дочь и где ее видели в последний раз?

Я коснулась виска пальцами, ощущая, как под ними медленно скапливается пульсирующая боль, причину появления которой я пока не могла понять.

— Мы возвращались в наше поместье сразу после аудиенции, когда на нас налетели солдаты в синих сюркоттах. Легкая конница, они в один час порубили все мое сопровождение. Гемира ранили в ногу. Пирел, слава всем богам, не пострадал. Но мою Соэнлику! Мою дочь, как простую крестьянку, перебросили через седло и увезли в неизвестном направлении! Прошу, вы же женщина, будущая мать, разве я заслужил...

— Каддор, хватит. Мне не нужна твоя дочь. Я даже не знала, что ты взял ее на встречу, она ждала тебя в лагере во время аудиенции, ведь так? — Причитания Каддора, особенно его последний пассаж про женщину и мать, немного вывели меня из

себя, и потому на какой-то момент я перешла на менее официальное обращение.

Итак. Соэнлика — несостоявшаяся невеста будущего герцога. Того, что назначил после себя умерший Осберт. Об этом знает сам барон, девушка, ее жених. Информацию держали в секрете, но мог ли еще кто-то узнать об этом? Или догадаться... Очевидно, халтурная инсценировка под наши войска нужна была для того, чтобы ополчить барона против меня, лишить его поддержки и, возможно, настроить вместе с ним всех мятежников. Или для того, чтобы просто потянуть время. Но есть вещь, которая не дает мне покоя...

— Барон, мое войско не имеет легкой конницы, а синие сюркотты — всего лишь ткань. Я могу поклясться, что не причастна к похищению вашей дочери. Но скажите мне, Каддор, почему вы не вернулись к своим союзникам, сообщив, что в ваших бедах виновна я, а привели к стенам крепости собственный отряд и ждали два дня, пока я приду в себя?

Скрестив руки на груди, я пристально наблюдала за стоящим на коленях мужчиной. Харакаш, прищурившись, сунул обе ладони под свое пончо, и я не сомневалась, что любого, кто сочтет островитянина безоружным, ждет неприятный сюрприз.

Каддор молчал, тяжело вздыхая и источая волны горя, вины и беспокойства, а затем все же заговорил:

— Я взял Соэнлику с собой, потому что в последнее время в нашем имении стало небезопасно. — Барон замолк на мгновение, словно решаясь, а потом продолжил: — Всем сторонникам законного герцога, юного Герберта, ясно, что час, когда узурпатор будет повержен, не за горами. Породниться с ним хочет каждый, в чьей семье есть девочка подходящего возраста... Пусть мы все связаны одной целью, но многие готовы воспользоваться положением и устранить возможных соперниц.

Охреть. Они еще не успели посадить на трон своего ставленника, но уже пытаются подложить под него собственных дочерей, не гнушаясь убивать возможных соперниц. Прекрасно, просто прекрасно...

— Барон, вы возвращались за своим отрядом в свое имение? — Он коротко кивнул, и я продолжила: — Письмо взяли?

Каддор залез рукой за отворот кафтана и вытащил сложенный лист бумаги, после чего, чуть помедлив, протянул его мне.

Мне пришлось наклониться вперед, чтобы взять его из рук барона.

— Встаньте уже. Хватит вытирать пол, он тут достаточно чист и без этого. — Раскрыв письмо, я принялась его рассматривать, пока Каддор с тяжелым вздохом поднимался с колен.

Тонкая белая бумага, такая же, как у нас во дворце. Местами линии букв значительно толще, а вот тут и вовсе почти клякса, словно писавший глубоко задумался в этот момент и забыл поднять перо от бумаги. «Дорогой друг, боюсь, дни мои сочтены...» Да, начало неоптимистичное — несколько раз прочитав письмо, весьма прямолинейно написанное, я сложила лист бумаги по старым сгибам, но барону обратно его не протянула.

Если это письмо подлинное, то Каддор рассказал мне правду. А раз так — вопрос в том, кто еще может знать об уготованной Сознлике роли?

— Каково ваше место в составе... — я чуть было не сказала «мятежников», — войск, поддерживающих Герберта Фиральского?

Каддор хмуро посмотрел на меня, и я, тяжело вздохнув,змахнула рукой:

— Харакаш, выпроводите барона вон.

Мастер меча сделал шаг от двери к мужчине, тот, напротив, отступил, возмущенно глядя то на меня, то на островитянина.

— Барон, зарубите себе на носу, если вы приходите за помощью, то оставьте ваши игры в тайны и интриги за порогом этого места. Мне и без поиска украденных девиц хватает забот. Я здесь только для одного — вернуть власть герцога в законные руки. А учитывая всю ситуацию, — я покачала сложенным листком бумаги в воздухе, — среди ваших союзников явно не все желают вам добра. И если вы сейчас же не начнете отвечать на мои вопросы прямо и без утайки, то я отдам вам письмо и выставлю вас вон. И нет, я не буду испытывать никаких мук совести. Ни как женщина, ни как будущая мать. — Я не удержалась, съязвив напоследок.

Барон под моим взглядом совсем посмурил.

— Всякий старается повлиять на молодого герцога. При нем есть совет из пяти влиятельных людей, я — один из них. Четверо других это два барона, Зимор и Стахий, и два графа — Леон Амальский и Удо Оташский.

И здесь люди Эверарда нос сунуть успели! Да что ж не сидится вам на попе ровно, а?

— Кто из них имеет наибольшее влияние на Герберта?

Барон задумался.

— Сложно сказать. Юный герцог не так прост, как может показаться на первый взгляд...

— Какие отношения у вас с остальными членами совета?

Каддор пожал плечами:

— Я не могу сказать, что есть какая-то неприязнь. Конечно, их сиятельства относятся к нам с некоторой снисходительностью, но презрения не выказывают.

— Кто из совета больше всех других выражает свое желание приступить к военным действиям?

— Я не понимаю, как это...

— Барон, я дважды повторять не буду. Отвечайте! — Я повысила голос, чувствуя подступающую ярость.

Хочешь помощи, так дай что-то взамен! Наглая баронская морда, я тебе что, девочка на побегушках?!

Лицо Каддора пошло багровыми пятнами, сам он громко задохнулся, сражаясь с собственной гордостью под моим пристальным взглядом, но благоразумие взяло верх.

— Я выражаю. — Барон вызывающе вздернул подбородок, ожидая моих слов, но для меня это стало лишь еще одной деталькой в его и без того весьма красноречивом образе.

— Хорошо. — Кивнув, я встала, обошла стул и оперлась руками на его спинку. — Ваша дочь наверняка жива. Если бы ее хотели устранить как потенциальную и неудобную соперницу, то не стали бы заморачиваться с похищением. Болт в грудь, и все проблемы решены. — Я заметила, как схлынула краска с лица мужчины при этих словах, и отвела взгляд, словно бы жутко заинтересовалась абсолютно пустой стеной, дав ему время вернуть себе самообладание.

— Что мне делать? — Каддору хватило пары секунд, чтобы взять себя в руки.

Я снова перевела взгляд на него:

— Возвращаться в ваш мятежно-освободительный лагерь. Не скрывайте своего беспокойства, но не проявляйте излишнего рвения в поисках виновника. Почаще оглядывайтесь. Особенно присмотритесь к тем, кто не поддерживал ваше стремление к войне или даже открыто критиковал его. И... пожалуй, не ешьте и не пейте ничего первым или из чужих рук. Вы меня поняли?

Барон медленно кивнул.

— Отлично. Задержитесь в крепости еще ненадолго. Мне надо кое-что обсудить с магистром Ирвином. Может быть, потребуется ваша помощь. А пока — вы свободны. — Харакаш

сделал шаг в сторону и распахнул дверь под чуть одуревшим взглядом Каддора. Барон замешкался на мгновение и широким шагом покинул мою комнату, имея чуть растерянное выражение лица.

Кажется, что он совершенно не так представлял себе аудиенцию. Я его понимала.

— Как самочувствие? — первым делом поинтересовался мастер меча, закрыв за посетителем дверь и повернувшись ко мне.

— Намного лучше, только голова периодически болит, а я все никак не могу понять почему. — Я снова коснулась пальцами левого виска.

— Я позову магистра. Ты же все равно хотела с ним поговорить, верно? — Островитянин, коснувшись ладонью двери, бросил на меня вопросительный взгляд, и я кивнула, вызвав новый приступ внезапно острой мигрени.

— Сядь, Эва. Я скоро вернусь. — Заметив мое дрогнувшее от противной боли лицо, Харакаш вздохнул и выскользнул за дверь, оставив меня в одиночестве.

Я, воспользовавшись его советом, пересела на кровать, подняла подушку повыше в изголовье и, скинув сапоги, устроилась полулежа на кровати, раздумывая над всем случившимся.

Итак, дочь Каддора похитили. Это точно не матримониальные происки других аристократических семей, иначе девушку бы просто убили. Она нужна как рычаг давления. Или в качестве источника информации. Или как марионетка. Как много «или»... Интересно, насколько сильно она погружена во все дела своего отца и как много знает о восстании? Могли ли ее похитить люди старшего из братьев герцогов? Каддор сказал, что мятежные войска не собирают податей, и он не врал. По крайней мере, он был искренне уверен в том, что говорит правду. Но кто-то все-таки разорил Кохшу. Причем, по словам Доры, они все же платили подать в казну герцогства, а потом ее пришли требовать второй раз от лица Герберта Фиральского. Да вот только от его ли лица?

Массируя пальцами виски, я тяжело вздохнула — невзирая на мою тягу к реконструкторству, я никогда не любила все эти интриги и переплетения заговоров, хоть они и были неотъемлемой частью истории любого человечества, что в том мире, что в этом. Сейчас я чувствовала себя как загнанная в угол кошка — можно шипеть, можно «полосовать» когтями воздух, можно да-

же попытаться пробежаться по стене вверх, но эффективность этих действий будет под большим вопросом.

Мигрень то отступала, то наваливалась с новой силой. Мне хотелось одновременно лежать без движения и разнести все, до чего я смогла бы дотянуться в этой комнате. Закрыв глаза, я попыталась успокоиться, избавиться от нарастающего раздражения. Глубокий вдох и три порционных выдоха. Глубокий вдох, три порционных выдоха. Вдох...

Перед моими глазами вдруг появился образ мужчины средних лет. Коротко обрезанные темные, чуть тронутые сединой волосы, ухоженного вида недлинная борода. Добротный камзол в черно-зеленых тонах, белоснежная рубаша, несколько крупных перстней на пальцах — все выдавало в нем человека весьма обеспеченного, а пульсация Ато вокруг тонко намекала на то, что и силой увиденный мною не был обделен. Незнакомец вздрогнул, открывая глаза и удивленно смотря прямо на меня. На его лице отразилось замешательство, потом — некая степень понимания, тут же переходящая в испуг. Он взмахнул руками, выводя в воздухе светящиеся линии, пока я пыталась сфокусироваться на постоянно ускользающих чертах его незапоминающегося лица, что-то пробормотал и исчез. А вместе с ним исчезла и моя мигрень.

Какой еще падле приспичило покопаться в моей голове? И самое главное — что он там узнал?! Я открыла глаза ровно в тот момент, когда скрипнула входная дверь и на пороге показались оба выходца с Туманных островов.

— Какой-то говнюк пытался копать в моей голове! Или даже уже копался на тот момент, когда я смогла его... э-э-э... определить, — с ходу огорошила я вошедших в комнату мужчин.

Ирвин всплеснул руками и покосился на закрывающего дверь Харакаша. Тот, поймав его взгляд, лишь пожал плечами.

— С ней постоянно что-то случается. Я уже почти привык.

— Привык ты, как же, — ворчливо отозвался старец, подходя ко мне и протягивая ладонь к моему виску. — Скажи мне, защитница, что ты чувствовала?

Источающие неестественную, но приятную прохладу пальцы замерли возле моего виска, не касаясь его, описали окружность в воздухе и снова замерли. Я почувствовала легкое щекотание, хотя точно была уверена, что магистр ко мне не прикоснулся.

— Головную боль. Сильную, давящую. Она то ослабевала, то накатывала с новой силой. Меня это очень злило, и я, попы-

тавшись успокоиться, закрыла глаза и увидела человека. Он, кажется, меня тоже увидел. И узнал. И очень испугался. — Я пожалала плечами, глядя в задумчивое лицо старца.

— У тебя пропадали вещи в ближайшую неделю? Что-то близкое, что ты часто носила в руках или рядом с телом? — Магистр Ирвин выглядел очень обеспокоенным. Я отрицательно покачала головой.

— У меня не так много вещей с собой, тем более таких, которые я ношу на себе.

— Хорошо, очень хорошо... — Пальцы описали еще один круг возле моего виска, сопроводив это все тем же щекочущим чувством, после чего настоятель Алой крепости кивнул каким-то своим мыслям и убрал руку.

— Судя по всему, чародей, пытавшийся прочесть твоё сознание, успехов не достиг. Возможно, уловил какие-то обрывки эмоций или образов, но сомневаюсь, что смог узнать что-то серьезнее. Твой разум, защитница, сопротивляется подобным вещам сам по себе. Боль — лишь последствия такой самозащиты. Со временем ты научишься закрывать свой разум и не испытывать таких неприятных ощущений.

— Это хорошая новость, — кивнула я, но магистр нахмурился.

— Да, но есть и плохая. Немногих чародеев я знаю, которые решились бы лезть в голову защитницы веры. Судя по всему, тот, кого ты видела, даже понятия не имел о том, кого именно он пытается прочесть. А такой ритуал требует, чтобы у чародея была твоя личная вещь, которой ты пользовалась достаточно долго и которая имела бы постоянный контакт с твоим телом. Этот способ редко используют сейчас, и его предназначением раньше было определение, жив разыскиваемый или мертв. Проще говоря, чародея использовали вслепую, что тогда, что сейчас, практически подставив. Ему несказанно повезло, что ты ничем не ударила в ответ на вторжение в свой разум.

Если б я умела бить в ответ на подобные наглости, он бы у меня непременно огреб! Но увы...

— А почему редко используют сейчас, а тогда использовали? — Магистр точно не смог бы ответить на вопрос, что же за вещь оказалась в руках у чародея, а потому я дала немного воли своему любопытству. Старец чуть удивленно посмотрел на меня, а потом, с выражением внезапного понимания на лице, ответил:

— Потому что если человек умер, особенно если совсем недавно, то такой поиск может стоить чародею собственного разума. Я постоянно забываю, что вашим обучением никто не занимался, а сейчас на это и времени особо нет. Как бы ни была полезна теория, сейчас нужны практические знания...

Я кивнула — Ирвин был прав. Мне было бесконечно любопытно разобраться в том, как устроена магическая часть этого мира, но ситуация диктовала свои условия. Магистр тем временем продолжил:

— Если ты запомнила, как выглядел тот чародей, стоит отправить ворона в столицу. Возможно, королевский маг его узнает... Защитница, все в порядке? — Очевидно, мое лицо было слишком выразительным. И было отчего.

Да какая же я феерическая дура! Мало того что не написала в замок о том, что добралась до Алой крепости, но даже не рассказала отцу о покушении и о том, что творится в герцогстве!

— Отправить ворона нужно сегодня же. — Я умолкла, понимая, что не представляю себе, как это происходит. Магистр понял мое молчание по-своему.

— Я пришлю служку с тубусом для письма и воском. — Старец, нахмурившись, перебрал пальцами по набалдашнику трости, а потом, бросив на меня неожиданно острый взгляд, добавил: — И сам зайду. Письмо лучше защитить магией, тебе, защитница, полезно будет этому обучиться.

Мне оставалось только кивнуть, соглашаясь со всем сказанным.

Магистр вышел из комнаты, оставив меня с Харакашем наедине.

— Как там Альвин? — Спустив ноги с кровати и натянув сапоги, я прошлась от стены до стены, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Держится, как может. В Алой крепости не приемлют ругань, и это твоего доблестного оруженосца сейчас печалит едва ли не больше всего остального. — Островитянин хмыкнул, и я натянуто улыбнулась в ответ. Мысль о том, что на какой-то срок я осталась без верного мне до гробовой доски телохранителя, не давала мне покоя.

Надо его навестить хотя бы. Хоть и косвенно, но из-за меня пострадал — кольнуло внезапно чувство вины. Да, это чуть ли не его прямая обязанность, но все же... чисто по-человечески я должна его навестить.

Почему-то мысль сходить в лазарет вызывала в моей душе какие-то очень смешанные и далеко не положительные чувства. Странное чувство стыда, вины, страха... Что-то подобное я ощутила, когда узнала, что в замке погибла та девушка-служанка. Только тогда эти чувства были в разы слабее...

— Эва? — Я резко обернулась на зов островитянина, и тот, помолчав с мгновение и пожевав губами, словно подбирая слова, все же спросил: — Что еще случилось?

— Нет-нет, ничего. Просто я подумала, что стоит проведать Альвина. Ему наверняка так будет куда спокойнее, да и вообще...

Мастер меча, помедлив, согласно кивнул, а после прищурился, глядя на меня своими прозрачно-серыми глазами. Игра в гляделки продолжалась, наверное, с полминуты.

— Что такое? — Я чувствовала себя неуверенно под этим взглядом. Словно островитянин оценивал меня заново, создавал какой-то новый образ в своей голове и соотносил его со старым. Мысль о том, что сравнение может выйти не в мою пользу, пронзила ледяной иглой, но я постаралась успокоиться и не придавать этому большое значение — если бы что-то было не так, Харакаш наверняка бы сказал мне об этом.

— Ничего, я просто задумался. — Островитянин и вправду тряхнул головой, будто прогоняя какие-то мысли, и снова вернулся беззаботно-умиротворенное выражение лица. — Я оставлю тебя ненадолго. Продумай, что напишешь в письме, бумажный лист не так велик, как хотелось бы. — Мастер меча, чуть прихрамывая, вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь и оставляя меня одну.

ГЛАВА 2

О магических экспериментах и новых знакомствах

Одиночество было недолгим — присланный магистром Ирвином служка постучался в двери едва ли не через пять минут после того, как Харакаш вышел из комнаты, и принес два листа бумаги размером чуть больше моей ладони, мешочек с мельчайшим белым песком, небольшую металлическую плошку на длинной деревянной ручке, кусок сургуча и тонкий тубус с крышкой, в который потом письмо надлежало поместить. Мальчишка, передав все, отвесил поклон и шустро убежал, а мне оставалось только положить все это на стол у стены и

продолжить мерить комнату шагами, периодически косясь на чистые листы бумаги.

Проблема была даже в том, как начать письмо.

«Дорогой отец» — слишком лично, «ваше величество» — очень сухо и официально. По имени — звучит странно. Может, вообще опустить обращение? В тубус влезет только один листок, второй явно принесен на тот случай, если я испорчу первый. Можно попробовать опустить все вступительные расшаркивания и начать сразу с сути. Я остановилась возле стола, взяла в руки лист бумаги, мгновение смотрела на него, а потом положила обратно и продолжила бродить от стены к стене.

С чего начать? Наверное, с того, что я прибыла в Алую крепость. Рассказывать про Ханса нет смысла, а вот о Кохше стоит упомянуть. Как и о нападении Бестелесного, и о двойных поборах с селян...

Сев за стол, я взяла в руки перо, обмакнула его в чернильницу, аккуратно сняла капельку о край глиняного сосуда и вывела первые буквы:

«Спешу вам сообщить, что мы достигли Алой крепости в добром здравии».

Посмотрев на кривоватые, но вполне читаемые буквы, я вздохнула и продолжила, осторожно макая кончик пера в чернила после каждых двух-трех слов:

«На Кохшу перед самым нашим прибытием было совершенно нападение. Поселение было разграблено, мужчины или убиты, или угнаны как рабы. Местоположение их неизвестно. Мы сопроводили женщин и детей в Алую крепость. Кроме того, в Кохше на меня было совершено нападение — наемных убийц заказал кто-то из столицы, имя заказчика не знаю...»

Я торопливо отвела кончик пера от бумаги. Сюда так и просилась просьба о том, чтобы отец был осторожен, и я, мгновение поборовшись сама с собой, все же написала ее, дополнив словами Харакаша:

«...потому прошу вас быть осторожным. Убийца был Бестелесным, не прошедшим инициацию».

Очистив перо о край чернильницы, я отложила его в сторону, задумчиво глядя на уже наполовину заполненный лист бумаги. Мне нужен был совет касательно всей этой ситуации с герцогами, похищенной дочерью барона и очевидными подставами с чьей-то (как бы ни с обеих) стороны. Но как уместить это все на таком клочке бумаги?

Некоторое время я крутила в пальцах перо, не решаясь обмакнуть его в чернильницу, потом вздохнула и снова приступила к письму:

«В герцогстве ситуация напряженная. С графом Стефаном встретиться до сих пор не удалось, посланников он не присылал. Мятежники отправили посла от лица графа Герберта и предоставили мне информацию, частично подтвержденную, о том, что покойный герцог назначил своим наследником именно младшего сына. Мятежники также подозревают, что герцог был отравлен своим старшим сыном по этой причине. Кроме того, с жителей дважды берут налог в пользу каждого «герцога», однако представитель мятежников это отрицает. На территории герцогства действуют неизвестные личности, настраивая население против обоих графов и, подозреваю, обоих графов против меня.

Ответ пришлите в Алую крепость магистру Ирвину, он надежный человек.

Ваша дочь, принцесса Андариш Эвелин».

Поставив в оставшемся свободном уголке сегодняшнюю дату, я еще раз перечитала письмо, присыпала чернила песком и оставила высыхать на столе. Вспомнив, что Мира упоминала про кольцо с гербовой печатью, судорожно схватилась за шею.

Тонкая золотая цепочка с небольшим ключиком от ларца с украшениями была на месте. Я забыла про нее, как забыла и про украшения, настолько она была невесомой и настолько не к месту мне были привезенные из замка атрибуты статуса и роскоши.

Ларец быстро нашелся в одном из моих сундуков. Вставив ключ в замочную скважину, я нажала на пазы, провернула ключ и услышала, как тихо тренькнул запорный механизм.

Позволив себе потратить несколько мгновений на то, чтобы полюбоваться лежащей в нижнем — отдельном, выдвижном — отсеке короной, я взяла из верхнего перстень с рельефной гер-

бовой пластиной для оттиска на сургуче и прикрыла крышку шкатулки, после чего вернулась к письму.

Чернила уже высохли, но я понятия не имела, куда стряхнуть песок. Ну не на пол же сорить? Решение пришло быстро — стоящий под кроватью ночной горшок отлично сошел за временную мусорку, и я, держа в руках письмо, задумчиво переводила взгляд с него на тубус. Очевидно, запечатывать сургучом нужно было именно его, а не письмо, иначе бы оно в тубус просто не влезло...

Стук в дверь и знакомый голос из-за нее оповестили меня о своевременном возвращении магистра. Старец выглядел чем-то весьма озадаченным, но полным кипучей деятельности — очевидно, что ему не терпелось научить защитницу веры чему-то полезному.

— Итак, — он подошел ко мне, прислонил свою трость к столу и подтянул рукава своей мантии, обнажая худые старческие запястья, — защита письма универсальна. Обучившись ей, ты сможешь использовать этот навык для того, чтобы защитить любой предмет от посягательств тех, к кому он не должен попасть. Конечно, эта защита несовершенна, и на любой щит найдется свой топор, но все в конечном итоге будет упираться в мастерство и вложенные силы. И пока с первым у тебя есть проблемы, будем компенсировать это вторым. Положи свой перстень на стол, глубоко вдохни, постарайся сконцентрироваться на моих пальцах и прислушаться к себе.

Я кивнула, оставив гербовую печать на столешнице, несколько раз глубоко вдохнула и медленно выдохнула, стараясь сосредоточиться на собственном сердцебиении (самый простой, как по мне, способ не думать ни о чем сложном), и уставилась на пальцы магистра.

Тот протянул ко мне правую руку, чуть согнул пальцы, словно бы подцепляя какую-то невидимую мне нить, и я почувствовала, совсем краешком, будто у меня чего-то убавилось. Постаравшись зацепиться мысленно за это ощущение, я не сводила взгляда с пальцев магистра и вдруг увидела, как по ним, переливаясь серебром и золотом, струится тонкая нить, сотканная из чистой энергии.

— Увидела? Хорошо. — Мой тихий вздох удивления не прошел мимо внимания Ирвина, и он, пошевелив пальцами, перехватил поток Ато, как если бы это была обычная нитка, взял в левую руку лист бумаги и ловко скрутил его в тугую трубку.

— Ато — подвижная материя, изменчивая и текучая, как вода. Она способна бесконечно делиться на более мелкие свои подобия, что нам сейчас и необходимо использовать. — Магистр снова привлек мое внимание к своей правой руке, растянул нить энергии на вытянутом большом пальце и мизинце, а после коснулся ее указательным, средним и безымянным по очереди, отщепляя и поднимая от основной нити другие, более тонкие. — Кроме того, Ато всегда стремится восстановить целостность, прочность. — Под слова настоятеля между нитями вдруг образовались тонкие перетяжки, и в итоге то, что держал в руках магистр, теперь больше напоминало небольшую сеть в несколько слоев, что усложняла свое плетение прямо на глазах.

Магистр несколько мгновений показывал ее мне со всех сторон, а потом стряхнул с руки в мою сторону, и сеть, словно невесомая паутинка, полетев в мою сторону, вдруг исчезла, разтворившись в воздухе.

Ощущение «недостачи» пропало.

— Она вернулась ко мне?

Магистр кивнул.

— А как мне увидеть эти нити Ато?

— У каждого человека, имеющего способности к манипуляциям Ато, есть своеобразный «якорь», позволяющий вызвать эту способность. Что-то, что проявляется только тогда, когда человек чувствует мощную, сотворяющуюся рядом магию, у тебя...

— У меня такое есть, — перебила я магистра нетерпеливо. — Я слышу звон струны, низкий, глубокий, вибрирующий, как бы где-то глубоко в моем сознании. Это же оно, да?

Ирвин по-доброму усмехнулся.

— Да, это оно. Тебе нужно научиться вызвать этот звук по собственной воле. Чем чаще ты будешь это делать, тем проще и быстрее будет для тебя каждый сотый раз.

Я тут же ощутила, как на моем лице непроизвольно рисуется унылая мина, и магистр, не скрываясь, рассмеялся тихим, сухим смехом.

— Прости меня, защитница. Я так часто вижу это выражение лица у своих юных учеников, что в твоем исполнении оно показалось мне особенно забавным. Увы, но без обучения и совершенствования своих навыков далеко не продвинуться ни в одном деле.

— Но у меня же получалось, я читала... — Не закончив фразу, я замерла, вдруг понимая, что не видела свой молитвенник ни в комнате, ни среди вещей.

Последний раз он был со мной в пещере, я помню, что листала его, что-то искала...

Развернувшись на пятках, я прошлась по келье, заглянула в выданную мне на время похода сумку, покосилась в сундуки, но решила, что туда бы кто-то вряд ли стал что-то прятать.

— Ко... Ханс дал мне свой молитвенник. Он был со мной, когда я спускалась под крепость, и, кажется, остался там. — Еще раз, растерянно обведя глазами комнату, я посмотрела на магистра Ирвина.

— Боюсь, что если он остался там, то его уже не вернуть. Уровень воды значительно поднялся с того времени, думаю, что от бумаги уже ничего не осталось, — мягко заметил настоятель. — В нем было что-то особенное для тебя?

— Я не знаю. — Я и правда не знала, как ответить на этот вопрос. — Мне стоит увидеть другие молитвенники, чтобы понять это. Наверное.

Мне вдруг показалось, что мой ответ прозвучал очень эгоистично и грубо.

Может быть, магистр ждал от меня совсем другого, ведь это личная и религиозная вещь, которую мне подарил его внук. Убитый мною по решению его же божества внук. Как же все запуталось...

Но старец, кажется, не ожидал другого ответа.

— После того как мы закончим с письмом, я провожу тебя в библиотеку. Не думаю, что у тебя есть время переписывать молитвенник лично, но у нас есть экземпляры, написанные нашими учениками и служителями. Если хоть один подойдет тебе, ты сможешь его забрать. — И, не дав мне даже поблагодарить за такое предложение, магистр протянул мне скрученное в трубочку письмо. — Пора приступить к практике, защитница.

— Можно просто Эвелин? Я не очень хорошо себя ощущаю, когда наставники величают меня по титулам, — чуть ворчливо отозвалась я.

Настоятель издал короткий смешок и кивнул.

— Попробуй воспроизвести в своей голове тот звук, о котором говорила мне, Эвелин. Сейчас это очень важно, потому как то, что ты делаешь, лишено словесной опоры. Это не Песнь, это, можно сказать, тонкая магия, прямая работа с Ато.

«Долго преподаватели время со мною тратили...» — вспомнилось вдруг. Так. Надо сосредоточиться...

Я поднимаю перед собой ладонь, упираюсь в нее взглядом и снова прислушиваюсь к собственному сердцебиению. В этот раз, мне оказывается, почему-то гораздо труднее выгнать из головы всякие посторонние мысли, внезапно вспомнившиеся навязчивые песенки из той, прошлой жизни и лезущие на их место псевдофилософские размышления о тщетности всеобщего бытия и моего конкретного.

Магистр терпеливо ждет. Через какое-то время он устает стоять и тихонько (как ему кажется) пододвигает стул и садится. Через еще почти десяток минут едва слышно начинает топтать ногой. Потом вздыхает.

— Я так не могу! — Опустив ладонь, я возвожу глаза к беленому потолку, раздраженно выдыхая.

— Эвелин, а тебя обучали музыке? — Магистр задает этот вопрос внезапно, и я напрягаюсь, ожидая подвоха, но старец продолжает, словно бы не заметив смены моего настроения: — Я слышал про звуковые «якоря», это всегда разная нота, может, если ты споешь ее мне, я смогу чем-то помочь?

— Она очень низко, — помедлив, ответила я, здраво рассудив, что принцесса, так или иначе, получала светское образование, училась танцам, и хотя бы попытки в овладении музыкальным инструментом или в пении быть могли.

— А ты попробуй перенести ее повыше, там, где тебе удобно будет, сможешь?

Я неуверенно кивнула, вспоминая высоту звука. Потом тихонько замычала, закрыв глаза и пытаясь звуком нащупать ту самую ноту, морщась от собственных поползновений. В какой-то момент мне показалось, что я вроде бы нашла нужное, открыла глаза, намереваясь сообщить об этом магистру, и замерла, замолкнув и слушая стихающее гудение струны в своем сознании.

Сумрачный силуэт с нечеткими границами сидел на месте магистра, едва просвечивая через плотный золотисто-серебряный кокон, которым был окружен. Со всех сторон к этому кокону шли тонкие нити Ато, появляясь буквально ниоткуда и питая его.

— Эвелин, спой мне ноту, которую ты слышишь! — У сотканного из мглистого силуэта нет лица и пола, но голос магистра узнается легко. Я снова куда более уверенно воспроизво-

жу нужный звук, не размыкая губ, а потом перевожу взгляд на себя, поднимая правую руку.

Кажется, Светозарная не шутила, когда говорила, что мы станем почти что сестрами после обмена клятвами. Мое тело казалось чуть больше привычного и словно бы состояло из той же материи, что и тело явившейся мне в храме богини — молочно-белая сияющая субстанция с легким серебристо-голубым отливом.

В моей левой руке свернутый в трубочку лист бумаги, кажущийся сейчас практически несуществующим, тонким, полупрозрачным.

Я делаю вдох, набирая воздуха для того, чтобы продолжить мычать, и снова поднимаю взгляд на магистра.

— Отщепи от себя нить Ато, например, от левой руки, и раздели ее, как я показывал. Не торопись, у нас много времени, — подбодрил меня он.

На словах это оказалось проще, чем на деле.

Я, сделав очередной вдох для того, чтобы продолжить держать нужную ноту, протянула пальцы к своему запястью и попыталась потянуть себя за «кожу», чтобы получить нить. А в итоге, аккуратно потянув вверх, чуть не поперхнулась собственным «пением», увидев, как моя «кожа» вытягивается вверх на добрые десять сантиметров. Отпустив ее, я мгновение наблюдала, как она возвращается к своему исходному состоянию, повторяющему контуры моего тела, а потом попробовала еще раз.

И еще.

И еще раз двадцать, пока не додумалась взяться за энергетический покров условными ногтями, отделяя нить еще возле собственного тела, и только потом — потянуть.

На краешке сознания, слишком занятого пением и одновременным колупанием Ато, я чувствовала, что мокрая как мышь. Благо, что коленки еще не дрожат...

Магистр терпеливо ждал, пока я перейду к следующему этапу, но, видимо, что-то в моем внешнем виде начало его настораживать.

— Если ты почувствуешь головокружение или внезапную усталость, то сразу останавливайся. Без геройств, Эва! Сразу. Попытки манипулировать даже с собственной Ато сверх своих физических сил опасны, ты поняла меня?

Я кивнула, совершенно не собираясь играть в героя. «И так уже нагеройствовала до разбитой головы и провалов в памяти, а что меня еще впереди ждет... Усугублять ситуацию своими руками совсем не хочется». — В ответ на свои ироничные мысли я

ощутила, как нить в руках тает, а зрение проясняется, и спешно выбросила их из головы, снова все внимание уделяя делу.

Отщепить от нити Ато волокна оказалось проще — фокус с «подщепи ногтем» работал, и пусть это выглядело далеко не так изящно и ловко, как у магистра, для меня главным был результат. В конце концов, не показательное выступление устраиваю!

Глядя на то, как отдельные волокна протягивают друг к другу поперечные ниточки, сплетаясь в сеть, я тихо выдохнула.

— Отлично, теперь накинь получившуюся сеть на свернутое письмо, на его торец. — Заметив мой успех, старец подошел ко мне, указал пальцем на край свернутого в трубочку письма. — После этого сразу расправь и пальцами соедини края.

Закусив губу, я медленно, чувствуя легкую дрожь в пальцах, принялась делать то, что сказал магистр. Аккуратно растянула сеть в руке, накинула ее на свернутую бумагу... и прилипла пальцами к нитям.

— Ой, оно не отщепляется. — Я попыталась отлепить края сети от пальцев, потерев друг о друга, но лучше не стало, только хуже. Сеть намертво прилипла ко мне, а еще через мгновение — лопнула на «спинке» письма и начала достаточно шустро впитываться в мое энергетическое поле. Спустя пару ударов сердца моей сети как не бывало.

— Да чтоб тебя. — Я раздосадованно топнула ногой. Под моим взглядом потоки Ато постепенно таяли, возвращая привычную картину мира. — Еще раз?

— Нет, не стоит. Поверь, для первого раза это очень хорошие результаты. Позволь, я воспользуюсь твоей Ато снова и все же запечатаю письмо.

Кивнув, я протянула послание магистру, и он, подождав немного, повторил тот «фокус» с отщеплением нити Ато от меня и разделением ее на более тонкие волокна. Дождавшись, пока сеть сплетется между основными нитями, он накинул ее на письмо быстрым движением пальцев, похожим на приминание края у теста, соединил сеть в цельный покров и убрал руку, держа на ладони оплетенное Ато послание. Нити с двух сторон истончались, исчезая в воздухе, но никуда не пропадали.

— И что теперь?

— Теперь нужно замкнуть сеть. — Старец перенес письмо на стол и быстро связал два хвостика между собой. Они тут же вытянулись вдоль письма и вросли в общую сеть. — И, наконец, запечатать его так, чтоб прочитать его мог только твой отец. Представь его себе как следует, приложи руку к письму и поду-

май... мм... Пусть будет «только тебе и никому иному». Ты должна представить его очень четко, не важно, каким ты его вспомнишь, главное, чтобы ты вспомнила только его.

Я кивнула, понимая важность момента, и после недолгого выбора остановилась на воспоминании о нашем споре после моего официального назначения «на должность» защитницы веры. Пусть воспоминание было не из приятных, но оно было очень ярким, а тут иного и не требовалось.

Бросив короткий взгляд на магистра, я получила его разрешающий кивок и приложила руку к письму.

«Только тебе и никому иному», — мысленно проговорила я, не отпуская из памяти образ Рудольфа, короля Андари и моего отца.

По сети пробежала едва заметная волна, расходясь от моих пальцев, настоятель Алой крепости одобрительно хмыкнул.

— Отлично, осталось только отправить его. Положи письмо в тубус.

Я послушно засунула послание в чехол из твердой кожи и закрыла его крышкой.

— Есть еще одна мелочь, с которой ты теперь точно справишься и которая может тебе серьезно пригодиться. — Магистр Ирвин положил кусочек сургуча в плоску, взял ее за ручку и жестом попросил меня протянуть ладонь вперед. — Не бойся, все, что случится дальше, не может нанести тебе вреда, просто представь, что у тебя на ладони появляется маленький язычок настоящего пламени, и позови его на храмовом наречии.

— Позвать? Это как? — Я, чуть недоумевая, посмотрела на стоящего напротив меня с плоской в руках старца.

— Как хочешь. Можешь имя ему придумать. — Магистр беззлобно усмехнулся, на миг сверкнув зубами. Я хмыкнула и перевела взгляд на свою раскрытую под плоской ладонь.

— Пламя, гори!

Когда магистр сказал, что я справлюсь с этим заданием, он явно знал, о чем говорил. Но не предполагал, насколько я буду успешна.

Столб пламени сантиметров двадцать высотой взметнулся вверх, чтобы погаснуть через мгновение, но этого хватило. Сургуч в плоске мгновенно вскипел, а сам старец дернулся в сторону, спасая лицо от жара огня.

— И пылом юных освещается наш мир, хех... — Погладив бороду, словно проверив ее наличие, магистр Ирвин подул на плоску с сургучом, взял закрытый тубус с письмом и медлен-

но, давая сургучу остыть и затвердеть от соприкосновения с грубой кожей, пролил место сочленения крышки с корпусом. Сделав почти полный оборот, он аккуратно вылил остатки сургуча, сделав неправильной формы овал, и я, сообразив, прижала к сургучной пломбе свою гербовую печать.

— Славно. — Придирчиво проведя пальцем по сургучу, старец убедился, что линия его непрерывна, и, щелкнув пальцами по одному из четырех маленьких колечек, вшитых в тубус по бокам, посмотрел на меня.

— Я лично отправлю ворона в замок, защитница.

— Опять вы... — Я не успела закончить, замолкнув под строгим взглядом магистра.

— Твое обучение на сегодня закончено, защитница, а знает, что ни я, ни ты не должны забывать, кем ты являешься.

Вот же зануда! Тут захочешь — не забудешь!

Я вздохнула и кивнула, решив ничего не отвечать.

Магистр Ирвин, отвесив мне короткий уважительный кивок, покинул комнату.

В который раз за сегодняшний день я снова осталась одна и вдруг поняла, что мне это чертовски надоело — сидеть в своих покоях и смотреть, как люди бегают туда-сюда. Пора бы и самой выбраться из четырех стен. Посмотреть, как устроились жители Кохши. Поговорить с графом, его совет мне точно не помешает. Навестить Альвина...

Поправив перевязь, я вышла из комнаты.

Невзирая на первоначальный план, мои ноги сами понесли меня на первый этаж в главный зал.

Скользнув в приоткрытые двери, из-за которых раздавались тихие монотонные голоса, я замерла, раздумывая, а не слинять ли мне куда подальше, пока находящиеся тут меня не заметили?

Зал был полон людей, облаченных в красные одежды разной степени насыщенности. Судя по всему, меня угораздило прийти сюда в молитвенный час братьев-рыцарей. Я уже было развернулась к выходу, решив для себя, что не готова сейчас к каким бы то ни было конфликтам, но меня заметили.

— Защитница! — разнесся по залу низкий командный голос, перекрывая гул молитв, что тут же стихли. Я, слыша шорох разворачивающихся на лавках людей, вздыхаю и медленно делаю поворот обратно, лицом к статуе.

Возле нее, встав с края самой первой лавки, стоит высокий худощавый мужчина. Его тога имеет широкий белый кант, но

все равно красного в ней значительно больше, чем у большинства виденных мною.

— Я не хочу мешать вам. — Стараясь говорить достаточно спокойно, я с определенной долей внутреннего беспокойства отметила, как с первых лавок встали еще четверо мужчин, облаченных в такие же тоги. Все, находящиеся в зале, почтительно молчали, в то время как первый, обратившийся ко мне, резким движением ладони разрубил воздух перед собой.

— Ты не можешь помешать, защитница. Ты же одна из нас, верно, братья? — Заговоривший со мной поочередно смотрит на молчащих до этого четверых вставших, и те с разной степенью уверенности кивают. С такого расстояния мне тяжело рассмотреть выражение их лиц.

Что ж, придется принять приглашение. Еще бы знать, что делать дальше.

Я медленно подхожу к стоящим возле статуи мужчинам. Так и не спросила у магистра, принимают ли в Орден женщин? Кажется, я еще ни одной не видела в одеждах храма, но Альвин упоминал, что это возможно. Нет желающих?

Обратившийся ко мне высок, почти на две головы выше меня и примерно на ладонь — остальных пяти. У него посеченное тонкими мелкими шрамами лицо, которое не было видно издали, но они жутко выглядели вблизи, зеленоватые глаза и не тронутые сединой медные волосы, хотя на вид ему никак не меньше сорока лет. Он улыбался мне широко, дружелюбно. Так дружелюбно, что я не удержалась и осторожно потянулась к нему своей чуйкой, пытаюсь понять, насколько он искренен.

В тот момент, когда наши взгляды пересеклись, он мне подмигнул, а я услышала в голове чужой голос:

«Удостоверилась, защитница? Похвальная предосторожность, даже как бы ни было грустно это говорить в стенах храма. Только не выдай себя...»

«Я такая неумеха...» — Мне только и остается, как старательно делать невозмутимое лицо, бросая короткий взгляд на других стоящих. Проверять их я не решилась.

«Поговорим об этом позже, защитница», — снова отвечает мне ментально этот человек, а после разводит руками, обращаясь ко мне уже вслух:

Мы незнакомы, но каждый из нас уже знает о тебе многое. Эвелин Добродетельная, Глас Пресветлой и Ее Карающий меч.

Я не отвожу взгляда, молчаливо принимая все озвученные титулы, потом — чуть склоняю голову.

— Отложим официальное знакомство. Я ведь все же отвлекла вас. — Краем глаза я вижу, как один из стоящих по левую сторону от меня мужчин неопределенно качает головой то ли моим словам, то ли собственным мыслям.

Мой собеседник, помедлив, кивает, после чего, вдруг усмехнувшись, делает несколько шагов, проходя мимо меня, и садится на свое место на лавке. Остальные мужчины делают то же самое, оставляя меня стоять в центре прохода возле статуи.

Это какая-то проверка?

Я глянула на один ряд лавок, потом — на другой. Все первые места были заняты. Лица мужчин, что приветствовали меня, выражали отстраненный интерес, разве что мой недавний собеседник выглядел чуть более довольным.

Подняв взгляд выше, я обнаружила, что на меня вполне ожидаемо пялятся все, находящиеся в зале. Беглый взгляд выхватил знакомое лицо — Тревор из Зилбурга. Встретившись со мной взглядом, торопливо опустил глаза.

«Ступени в основании статуи как раз по высоте подходят для того, чтобы на них сесть», — пришла мне в голову вдруг странная мысль. Я обернулась через плечо, оценивая ступенчатый постамент. Для меня, конечно, было высоковато, но, за неимением альтернатив...

Уже ощущая телом холод камня, я снова подняла взгляд на сидящих храмовников. Их лица были недвижимы, словно вырезаны из такого же камня, что и статуя за моей спиной.

Чуть поелозив из стороны в сторону, я закинула ногу на ногу, сложила руки поверх, сцепив пальцы в замок на колене, и, чуть наклонив голову к правому плечу, вопросительно подняла брови, снова проводя взглядом по лицам мужчин.

Вроде бы никто не против моего выбора места. Может быть, так и задумывалось?

Многие закрыли глаза, их губы вновь беззвучно зашевелились, обращаясь к богине, а меня...

Меня не покидало странное чувство дежавю. Я, с одной стороны, была точно уверена, что не оказывалась в такой ситуации раньше, а с другой — в голове то и дело всплывало неясное воспоминание. Тот же зал, тот же ракурс, только чуть выше, и другие люди, сидящие передо мной.

Я видела, как моя рука вытягивается вперед и звучит голос, обращенный к сидящим на лавках людям.

«Каждый из нас, будь он мужчиной или женщиной, являясь в этот мир, хранит в себе то, что станет шестью добродетеля-

ми. — Мне кажется, что я слышу собственный голос со стороны, повторяя то, что вижу в воспоминании. Сидящие передо мной храмовники быстро переглядываются. На лицах некоторых царит изумление, граничащее с недоверием. В моих воспоминаниях люди реагировали не так, но сейчас это было не важно. — В наших силах помогать слабым, останавливать тех, кто извратил добродетель и несет другим лишь горе и беду. Мы — стражи, стоящие между человеком и богом. Каждый ли из вас выбрал этот путь добровольно?»

Видение растаяло, и я перевела дух, лицезрея изумленные лица храмовников. Даже мой недавний собеседник выглядел ошарашенным, а вот магистр Ирвин, что стоял у самых дверей, взирал на меня с выражением крайнего довольства. Заметив мой взгляд, он улыбнулся ободряюще и неторопливо двинулся по центральному проходу, постукивая тростью.

Замечавшие его храмовники вставали со своих мест, уважительно склоняя головы. Я, подумав, тоже сползла с насиженного места, поправила подол туники и сделала самое невинное выражение лица.

«Что за хрень я сейчас натворила?» — пронеслось в голове.

— Магистр. — Приветствовавшая меня пятерка склоняет головы.

— Длань, — кивает им в ответ старец, — надеюсь, что ваше прибытие в родные стены было легким.

«Длань? А они, стало быть, пальцы? — Снова пронеслось в голове, и я покосилась на вставших полукругом перед магистром храмовников. — Судя по всему, они приехали недавно. Интересно, какие функции выполняет Длань?»

— Приятно снова оказаться дома, — магистру отвечает стоящий по левую руку от общавшегося со мной мужчины, обладатель густых выющихся рыжих волос и хриплого, тихого голоса. — Жаль только, что повод столь печален.

Я ловлю короткий предостерегающий взгляд магистра и чуть сжимаю губы.

Они прибыли сюда из-за известия о смерти комтура? Скорее всего...

Тем временем каждый из мужчин пожимает запястье магистра, а потом один из них, молчавший до этого времени темно-волосый и кареглазый храмовник с рассеченной широким шрамом щекой и верхней губой, поворачивается к залу и все еще сидящим в нем служителям.

— Служба окончена, все могут возвращаться к своим делам. — Он поднимает правую руку, и я, не веря своим глазам, вижу на его ладони тот же символ, пусть и совсем тусклый, что начертан на моей руке. — И подумайте над словами, которые вы услышали сегодня в этом зале. Каждый послушник должен сделать этот выбор сам. А тот, кто уже сделал его, — следовать своему выбору неукоснительно.

Зал наполнился шорохом шагов, шелестом одежд и тихими разговорами. Я во все глаза смотрела на храмовника, отмеченного печатью божества, потом, рискнув, потянулась к нему, из любопытства желая видеть его истинные чувства.

И едва не провалилась в чужую память, как в глубокий колодец, чудом успев удержаться, отшатнуться от края.

Кажется, это не осталось незамеченным самим храмовником, и он был так же поражен, как и я. Впрочем, ему хватило самообладания, чтобы незаметно для остальных коснуться пальцами своего виска и вопросительно глянуть на меня.

Возможно, если бы я все же заглянула в его память, он не был бы так доброжелателен... Как-то это было слишком легко. Из-за печати?

— Я вижу, что вы уже встретились с защитницей. Тем лучше. — Магистр снова обратил на меня внимание, чуть склонив голову. — Не откажи мне в своем присутствии на нашем совете сегодня после ужина.

Я была готова сразу кивнуть, но помедлила, ощущая легкое прикосновение чужого раздражения. Кто-то из Длани оказался недоволен таким поворотом, но кто — я не успела понять. Чужие чувства исчезли так же быстро, как и появились.

— Я с удовольствием приму приглашение, магистр.

— Благодарю, защитница. Я пришлю к тебе своего помощника, когда придет время.

Старец огладил бороду, обвел всех нас своими прозрачными глазами и, чуть прищурившись, задержал взгляд на отмеченном божественной печатью храмовнике.

— Эмил, я обещал показать защитнице нашу библиотеку. Ее молитвенник не выдержал тягостей пути, окажи мне услугу, подмени меня в этом деле.

Я перевела взгляд на Эмила и заметила недоумение на его лице. Впрочем, он раздумывал всего мгновение.

— С удовольствием, магистр. — Храмовник коротко поклонился настоятелю Алой крепости, после чего перевел взгляд на того, что общался со мной мысленно. Молчаливый обмен

взглядами, за которым, я была уверена, скрывался короткий диалог, и Эмил обратился ко мне:

— Идем?

— Да. Да, конечно, идем. — Я торопливо слеую за храмовником, которому, кажется, мой ответ был совершенно не нужен.

Магистр явно понял, что что-то произошло, и дал мне шанс попробовать разобраться с этим. Осталось только понять, как сам Эмил отнесся к такому шансу. И к тому, что я теперь должна буду присутствовать на совете.

Мы покинули зал, и храмовник сразу повернул от дверей налево, но направился не к общей лестнице, а под нее, к еще одному неприметному коридору, в котором оказалось до неприличия много небольших, окованных железом дверей.

— Если ты будешь идти с той же скоростью, мы справимся как раз к совету. — Слегка ироничный голос моего провожатого вырвал меня из размышлений.

— Это я еще не начала в каждую дверь заглядывать, — ответила я в тон храмовнику.

Тот хмыкнул, почесал пальцами кудрявую голову.

— Ничего интересного за ними все равно нет. Это кельи для писчих, архивариусов и их учеников. Все записи, хранящиеся в библиотеке, обычно разрешается выносить не дальше этого коридора. То, что нужно для личного пользования, молодые храмовники переписывают для себя сами на занятиях письменностью. То, что нужно для обучения, приносит архивариус и его помощники, забирая после занятий обратно в библиотеку.

— Серьезно организовано. — Я уважительно покачала головой, и мой спутник снова хмыкнул.

— Часть хранящегося в библиотеке была создана до зарождения нашего Ордена. Это слишком ценно, чтобы каждый имел возможность таскать их по всей крепости. Что тебе стало интересно в моей голове? — Эмил решил не тянуть кота за хвост, что меня одновременно и радовало и настораживало.

Наши шаги легким эхом отдавались под беленым сводом коридора, и я решила, что затягивать молчание не стоит.

— Меня поразила печать Светозарной на твоей руке. Я не видела ее ни у кого, кроме себя, да и твоя речь меня удивила. Я хотела узнать лишь о том, что ты чувствуешь, но опыта у меня немного, а сил — хоть отбавляй. — Идущий рядом храмовник весело хмыкнул, но ничего не сказал, и я продолжила: — Обычно читать чужую память не так легко, но в случае с тобой... Я чуть

не свалилась в твои воспоминания случайно, так легко твой разум открылся мне. Это из-за печати? Как ты получил ее?

— Это долгая история... и достаточно личная, — опередил меня Эмил, не дав вставить и словечка о том, что я никуда не тороплюсь. Хотя это, конечно, было бы неправдой. — Может быть, позже. Когда-нибудь. Но я согласен с тобой в том, что, скорее всего, именно из-за отметки тебе это было сделать так легко. Я, если можно так сказать, зависим от Ато божества чуть больше, чем мои собратья. Наверное, в этом дело. Лучше спросить у Ирвина, он у нас мастер в божественной магии.

— А в чем ты мастер? — Я, поравнявшись со своим на удивление разговорчивым спутником, заметила, что он почти одного роста со мной.

— Мм... я что-то вроде посла. — Храмовник неопределенно повел рукой в воздухе и, подойдя к массивной двери в конце коридора, с явным усилием открыл ее. — Вот и пришли. Позволь показать тебе, защитница, кормящую мать всех жрецов, писарей, архивариусов и прочих трудяг пера и бумаги. Библиотеку Алой крепости, где все ранее названные...

Я сделала шаг в библиотеку, мысленно поражаясь представшему передо мной гигантскому залу, и замерла, стараясь не издавать ни звука.

— ...просиживают свои жо... — Закрывший за нами двери храмовник обернулся и прервался на полуслове.

Посреди зала, прижав когтями к полу лишь частично сохранившееся тело в храмовой рясе, сидело нечто, похожее на демона со средневековых гравюр моего мира. Существо демонстративно облизало чешуйчатую руку от крови, не сводя с нас немигающего взгляда алых глаз, потом шевельнуло сложенными за спиной перепончатыми крыльями.

— Поговор-р-рим?

ГЛАВА 3

О сложности переговоров и хрупкости человеческого тела

Краем глаза я заметила легкое золотистое марево на том месте, где только что стоял Эмил.

Храмовник пропал, буквально растворившись в воздухе, и одновременно с этим сидящее на трупе существо расправило крылья, низко заурчав.

Сука, какая же ты здоровая...

— Отзови своего слугу, защитница. Не нужно больше крови. Не сейчас. — Кошмарный демон облизнулся, продемонстрировав мне раздвоенный язык и зубы-иглы. Говорило создание вполне внятно, периодически скатываясь на рычание и шипение.

Конечно, здорово, что эта тварь собирается пообщаться, а не сразу отгрызть мне голову, но что-то доверия она мне не внушает. И что творит Эмил?! Надеюсь, что он отправился за подмогой...

— Эмил?.. — Я, испытывая уверенность, что меня проигнорируют, не ожидала, что мой спутник появится за спиной этого демона, и, судя по всему, выдала его с головой собственным выражением лица. Тварь вздыбилась, словно дикая кошка, ловко развернулась на всех четырех конечностях и своей огромной лапой сгребла не успевшего снова раствориться в воздухе храмовника.

— Тронешь его, и никакого разговора не будет! — Я схватилась за меч, даже не надеясь на то, что это существо меня послушает, но оно, шипя, как кузнечные мехи, снова развернулось ко мне, крепко обхватывая Эмила когтистыми пальцами. Храмовник безуспешно пытался выбраться, и существо сжало его сильнее, заставляя того надсадно засипеть и перестать трепыхаться.

— У меня послание... — тварь несколько раз коротко скрипнула голосом и продолжила: — ...От доброжелателя.

— Не помню в рядах своих друзей тех, кто имеет таких слуг. — Я терзала пальцами рукоять меча, периодически косясь на притихшего храмовника.

— Жив, жив. Просто подслушивает. — Заметив мое беспокойство, существо снова скрипнуло. Это оно так смеется, что ли? И встряхнуло рукой.

Эмил звучно клацнул зубами и без всякого стеснения обогатил мой словарный запас сложной комбинацией, в которой фигурировала беременная мать держащей его твари, стая собак, мужские половые органы и пороссячье дерьмо.

Пока я пыталась осознать всю озвученную храмовником цепочку событий, пленившее его существо приблизило к Эмилу морду, несколько раз шумно втянуло воздух через полуоткрытую пасть и снова заскрипело.

— Пожалуй, заберу тебя с собой, когда...

— Никого ты с собой не заберешь. — Я, чувствуя пробегающий по позвоночнику холодок страха, вытащила Жало из но-

жен и направила его на крылатую мерзость. — Озвучивай свое послание, отпусти его и проваливай!

Существо опасно покосилось на меч, в котором отражались несуществующие блики солнца, переступило с лапы на лапу, сопроводив это мерзким чавканьем раздавленного им тела и разошедшейся от него тошнотворной волной.

— Ариман потерпел поражение на юге. Войска императрицы понесли потери, но могут попробовать потрепать его еще. Если ты согласишься на наши условия.

Тварь замолчала, глядя на меня алыми буркалами и периодически посматривая на все так же направленный в ее сторону меч.

— Дальше?

Новость о том, что кто-то надрал моему навязанному женишку зад, действительно великолепная. А идея потрепать его еще и вовсе шикарна. Но чем за это придется заплатить?

— Дай слово, что в случае нужды ты придешь на помощь. Не щадя себя и своих сил.

Как-то очень расплывчато. Мутно, я бы сказала. Здесь явно что-то не так...

Крылатая бестия, словно почуяв мое замешательство, перебрала пальцами, будто случайно сжав Эмила так, что тот был вынужден выдохнуть все, что в нем было.

— Если ты думаешь, что таким образом, — я кивнула на задыхающегося Эмила, — вынудишь меня дать поспешное согласие, то твоей императрице стоило бы поискать посланника поумнее. — Я блефовала напрапалую. Мне было невероятно стыдно перед храмовником, которого я выдала выражением лица и взглядом, и меньше всего хотелось, чтобы он пострадал. Но стоило мне показать, что я реально боюсь за его жизнь, и эта игра будет сыграна в одни ворота. — Поставь его. Он не будет больше нападать, а мы поговорим как цивилизованные люди... хм... создания.

Тварь заскрипела долго и протяжно, содрогаясь всем телом. Эмил в ее смертельной хватке стремительно синел, закатывая глаза.

Возьми себя в руки и сделай что-нибудь!

— Пламя, гори! — Я сделала шаг к крылатой скотине, вытягивая вперед левую ладонь. На ней тут же вспыхнул столб пламени, и существо отпрыгнуло назад, растопыривая крылья.

— Тише, тише... Я лишь немного успокоила твоего друга. — Огонь над моей рукой тут же потух, и хорошо, что тварь не зна-

ла, что это произошло не по моему желанию. — Мой хозяин хочет иметь союзников. На случай непредвиденных проблем... — Эмила небрежно бросили на пол, я услышала его тяжелое свистящее дыхание и заметила, как храмовник приоткрыл глаза, находя меня взглядом. Он все еще был очень близко, опасно близко к этому существу, но хотя бы уже не в его лапах.

Оно еще и женского пола, брр...

Кошмарное порождение скрестило руки на груди, снова опустившись на задние лапы и чуть раскрыв крылья для баланса.

Войска императрицы, а посланника отправил хозяин?

— Кем является при императрице твой хозяин, что может влиять на управление войсками? Я должна знать, что за кот в мешке мне пытаются продать.

Существо задумалось.

— Он достаточно близок к ней, чтобы иметь такую власть, — наконец озвучило оно.

— Это слишком расплывчатое объяснение. Почему он не действует от лица своей госпожи?

Существо открыло пасть и тут же захлопнуло ее. Мне кажется, что я вижу отголосок боли в налитых алым светом глазах, и это становится отличным ответом на мой вопрос.

— Потому что он хочет моей помощи в перевороте, — не спрашиваю, а констатирую я, опуская меч острием вниз. — Долгоиграющий план, требующий сильных союзников, как я понимаю. Что ж, лестное предложение, но пока я не могу его принять. Пока! — Я вскидываю левую руку, привлекая внимание беспокойно дернувшейся твари. — Я тут сама немного погрязла в гражданской войне, и не в моих силах давать обещания, которые я могу не выполнить по причинам вполне уважительным. Смерть, знаешь ли, весьма несговорчивая дама.

Существо наклонило голову, коротко скрипнуло, рассматривая меня. А я вдруг поняла, что наш разговор выходит за рамки беседы с посланником. Эта чешуйчатая мерзость явно имела возможность передавать мои ответы своему хозяину. Или же он сам смотрел и слушал через нее, не давая сболтнуть лишнего...

— Ты же слышишь меня, мой неведомый доброжелатель? — Я прищурилась, давя в себе омерзение, и вгляделась в алые глаза.

Мгновение, другое, и создание кивает.

— Хозяин видит и слышит тебя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> О чужих мыслях и важности писем	5
<i>Глава 2.</i> О магических экспериментах и новых знакомствах . . .	17
<i>Глава 3.</i> О сложности переговоров и хрупкости человеческого тела	33
<i>Глава 4.</i> О доверии, героях и великой миссии	50
<i>Глава 5.</i> О шести добродетелях, планах и топоре	64
<i>Глава 6.</i> О чужих мечтах, птицах и горьком вкусе победы	79
<i>Глава 7.</i> О несговорчивых божествах, сапогах и добровольцах . . .	92
<i>Глава 8.</i> О дипломатии и внезапной беременности	104
<i>Глава 9.</i> О лечебном кровопускании, неоправданных ожиданиях и знакомых лицах	118
<i>Глава 10.</i> О силе слова и подопытных животных	136
<i>Глава 11.</i> О сестрах, навыках и лысине	148
<i>Глава 12.</i> О тавернах, еретиках и кровных узлах	170
<i>Глава 13.</i> О предателях, туманных путях и драконах	197
<i>Глава 14.</i> Об отцах, мертвецах и тяжелой кавалерии	216
<i>Глава 15.</i> О несчастливой победе и спасительной тьме	234
<i>Глава 16.</i> О мести, девичьей чести и овцах	252
<i>Глава 17.</i> О столовых приборах, разрушенных стенах и подписанных договорах	272
<i>Глава 18.</i> О стремительном карьерном росте и завершенных делах	296